какое-либо значение. Ни автор, ни читатель не осознавали это как нечто серое или черное. Это — символы и только, некие синкретические представления, где цвет был переживанием, уже чувственно недейственным.

Между прочим, окаменение может постичь и нейтральные цветовые характеристики, лишенные устойчивой символической функции. Возьмем, например, эпитеты «синий», «желтый», «зеленый». «Синее море» в «Слове о полку Игореве» и «Слове о погибели Русской земли»,[29] возможно, в цвете не осознавалось. То же можно сказать о таких конкретных цветовых характеристиках, как «зеленый луг», «зеленое древо»,[30] «желтые пески» и «желтые кудри» (последнее сращение указывает, впрочем, на этнический признак, а не на реальный цвет волос; это — перенесение общего, распространенного или идеального свойства на все частные случаи. Нечто подобное представляет и «зелено вино» — по А. Н. Веселовскому, здесь мы встречаемся с перенесением признака лозы на ее продукт; возможны, впрочем, и иные объяснения).

Итак, цвет далеко не всегда окрашивает. Кроме «окаменения», к этому ведет и этикетность в употреблении некоторых цветовых эпитетов. Золото — олицетворение богатства, власти, и прилагательное «золотой», если оно указывает на цвет, а не на материал, тоже как бы лишено реального цветового значения. Есть одно любопытное подтверждение этому тезису: «златоверхий шатер» из Жития Александра Невского в живописном изображении (одно из клейм иконы «Александр Невский с деянием», описанной Ю. К. Бегуновым) оказывается белым — следовательно, «шатер златоверхий» и «бел шатер, шатер белополотняный» могут рассматриваться как синонимы, вызывающие представления не о цвете, а о красоте, или, скорее, о роскоши.

Есть ли, однако, случаи аномальные, когда средневековый писатель пользуется цветом для создания окрашенной картины, когда употребление цветового поля выходит за обычные рамки? Да, такие случаи есть, хотя они редки. Напомню о портрете из «Девгениева деяния» (см. выше), об описаниях «знамений» в летописях (Рогожский летописец под 1370 г.: «Быша знамениа на небеси, акы столпы по небу, и небо червлено, акы кроваво»);[31] однако такие картины встречаются либо в оригинальных произведениях нехудожественного задания, либо в переводных памятниках, не оказавших в этом отношении заметного влияния на творчество древнеславянских писателей, хотя в числе переводов были такие авторитетные тексты, как Библия.[32] Сюда же можно отнести и знаменитую деталь из

---

[29] Ср.: А. П. Евгеньева. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 169. Синий цвет имеет символическое значение в тех случаях, когда он понимается как черный.

[30] Зеленый цвет несет иногда символическую функцию. Ср.: «Тма зелена бысть во очию моею» (Чудо Ильи пророка в Нижнем Новгороде. А. И. Соболевский. Материалы и заметки по древней русской литературе. — ИОРЯС, т. XX, кн. 1, 1915, стр. 277—284); «Нача зеленети во очию его» (Житие Антония Сийского: ГБЛ, собр. Ундольского, № 284, л. 170). Может быть, зеленый цвет приобретает зловещий оттенок по связи его с представлением о недостаточности, ущербности, недозрелости («клас несозревший»; в архангельских говорах «зеленый год» — неурожайный). Укажу кстати на связь эпитетов «зелен» и «блед», которая и навела меня на эту мысль: «Константин ... зелен наречен лице его ради бледа» (Хроника Георгия Амартола).

[31] ПСРЛ, т. XXV, вып. 1, изд. 2-е, Пгр., 1922, стлб. 93.

[32] Ср. перевод «Песни песней» в геннадиевской Библии: «Яко вервь червлена уста твои, и беседа твоя красна». «Червленый» вообще часто соседствует или комментируется словом «красный»; может быть, это способствовало тому, что «красный» стал впоследствии цветовым термином. Однако должен сказать, что Ветхий завет в целом был на Руси и у южных славян значительно менее известен, чем Новый. Послед-